

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА»

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»

ФОНД «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ ЮГА РОССИИ XVII–XXI ВВ.: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИИ

Материалы II Международной научно-практической конференции,
приуроченной к 75-летию окончания Второй мировой войны

Волгоград, 1–2 октября 2020 г.

Волгоград 2020

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)
В 63

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук **Иванюк С. А.**;

канд. полит. наук **Смолянский П. В., Скорченко И. А., Приказчикова Т. А.**

В 63 Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: II международная научно-практическая конференция (2020; Волгоград): [материалы]. – Волгоград: Сфера, 2020. – 372 с.

В сборнике представлены материалы II Международной научно-практической конференции «Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации», приуроченной к 75-летию окончания Второй мировой войны. Конференция, организованная Музеем-заповедником «Сталинградская битва» совместно с региональным отделением Российского исторического общества в Волгограде, Волгоградским региональным отделением Российского военно-исторического общества при поддержке Фонда «История Отечества», состоялась 1–2 октября 2020 года и была направлена на активизацию научной дискуссии об основных направлениях развития междисциплинарных исследований военной истории Юга России, обсуждение научных и методологических проблем сохранения и экспонирования памятников военной истории.

Издание предназначено для музейных и научных работников, сотрудников архивов, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

«СВЫШЕ СТА МИЛЛИОНОВ БАРАНОВ ПОЗВОЛЯЮТ СЕБЯ СТРИЧЬ...». ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЕЛОГО АГЕНТА В КРАСНОЙ АРМИИ БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛА А. Л. НОСОВИЧА

“MORE THAN 100 BILLION SHEEP LET TO CUT THEMSELVES...”. SOCIAL AND POLITICAL VIEWS OF THE WHITE AGENT IN THE RED ARMY GENERAL A.L. NOSOVICH

Ганин Андрей Владиславович

Ganin Andrey V.

Доктор исторических наук

Институт славяноведения Российской Академии Наук

Dr. Hab. (History)

Institute of Slavic studies, Russian Academy of Sciences

andrey_ganin@mail.ru

Аннотация. В статье на основе документов обнаруженного во Франции архива генерала А. Л. Носовича проанализировано его мировоззрение и общественно-политические взгляды.

Ключевые слова. Гражданская война в России, Красная армия, белое подполье, А. Л. Носович, Южный фронт.

Abstract. Based on the documents of the archive of the white agent in the Red army General A. L. Nosovich, discovered in France, the article analyzes his worldview and social and political views.

Keywords. Russian Civil war, Red army, white underground, A. L. Nosovich, Southern front.

Значимую для истории Царицына роль в период Гражданской войны сыграл начальник штаба Северо-Кавказского военного округа (СКВО) весной-летом 1918 г. бывший генерал-майор Анатолий Леонидович Носович (09.10.1878 – 25.01.1968) [1]. Этот видный военный специалист Красной армии был активным деятелем белого подполья в Царицыне и приложил немалые усилия, чтобы сдать город наступавшим на него донским казакам. В процессе своей работы Носович, как и другие во-

енспецы, оказался отстранен от должности членом военного совета СКВО И. В. Сталиным и арестован. Впоследствии ему удалось освободиться и бежать к белым. Прожив долгую жизнь в эмиграции, Носович написал объемные неопубликованные воспоминания, которые являются важным источником как по истории Гражданской войны, так и по биографии автора воспоминаний.

Чтобы понять, к чему стремился Носович, почему он не сразу примкнул к белым, а

действовал в подполье, необходимо составить представление о тех общественно-политических взглядах, которых придерживался этот офицер. Анализ воспоминаний и других источников позволяет реконструировать эти взгляды. В воспоминаниях нет какого-то цельного раздела, где бы излагалось мировоззрение мемуариста. Эти свидетельства, в основном, являются непреднамеренной информацией и разбросаны в виде отдельных оценок или комментариев по всему тексту воспоминаний. Следует учитывать, что мемуары в большей степени отражают взгляды Носовича-эмигранта 1960-х гг., чем его оценки периода 1918 г. Тем не менее, насколько можно судить, убеждения Носовича в эмигрантский период серьезных изменений не претерпели. Кроме того, в нашем распоряжении есть его более ранние мемуары, написанные по горячим следам событий, непосредственно в Гражданскую войну. Направленность их идентична эмигрантским свидетельствам. Также высокая степень детализации воспоминаний может свидетельствовать в пользу наличия в их основе каких-то более точных временных записей вроде дневника.

А. Л. Носович происходил из военной семьи потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Он окончил Псковский кадетский корпус, престижное Николаевское кавалерийское училище и был представителем кадрового гвардейского офицерства, считавшегося элитой русского офицерского корпуса. Именно в гвардии служили представители старых аристократических родов. Носович гордился полученной суворовской военной закалкой. Аристократический характер имели и увлечения Носовича – конный спорт, фехтование, французский бокс. Родной брат офицера, Сергей, также приобрел известность как спортсмен-конник.

Будучи офицером Лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, Носович представлял гвардейскую кавалерию, которая была своеобразной элитой внутри элиты. Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк (в обиходе – «царевы уланы») относился к так называемой «варшавской гвардии» – то есть несколько менее престижным частям гвардии в сравнении с теми, что дислоцировались в столице империи. Однако здесь требовалась особая политическая благонадежность [2]. При этом служба в Варшаве давала офицерам

больше свободы [3]. Тем не менее, шефство императора ко многому обязывало. Девизом полка была фраза: «Помните, чье имя носите». В полку культивировались спортивные традиции [4], поэтому увлечения Носовича были вполне характерны для офицеров этой части. Ветераном полка был военный министр В. А. Сухомлинов, что накладывало отпечаток на его отношение к полку и даже обусловило определенную мягкость министра к служебным вольностям, которые позволял себе Носович.

Важнейшее значение в консервативной среде гвардейских полков имело коллективное мнение общества офицеров полка, полковой патриотизм и корпоративный дух части, культивировалась поддержка «своих». Свой полк Носович считал образцовым. Он писал: «Полк работал, не покладая рук. Старшие офицеры внимательно следили за молодежью, а молодежь, попавшая в такую дружную рабочую семью, подравнивалась к требованиям старших и всегда была готова закрыть вольную или невольную брешь в работе своих однополчан» [5]. Первое появление в офицерском собрании новоиспеченного корнета Носович считал «поворотным в жизни днем» [6].

Служба в гвардии, дававшая огромные преимущества для построения успешной военной карьеры, диктовала и особый стиль поведения, а из этого проистекала и система взглядов офицера [7]. На высокую самооценку офицера влияли и необычные поощрения, которые получал Носович. Например, буквально через два года после выпуска из училища он получил персидский орден Льва и Солнца 4-й степени [8], что было нетривиальной наградой в офицерской среде и могло быть обусловлено лишь близостью ко двору или участием в соревнованиях в присутствии иностранных представителей.

Помимо этого, Носович был выпускником академии Генерального штаба, формировавшей уже новую технократическую элиту офицерского корпуса. Решение первый раз поступить в академию в 1902 г., по собственному признанию Носовича, не было вполне осознанным: «Решение пойти в академию исходило только из головы. Мое военное “я”, мое сердце в этом решении не участвовало. Оно пока было совершенно занято моими лошадьми» [9]. В другом месте он отметил: «Как я теперь уверен: за первые три года офицерской

службы я еще не наскочался, не дозрел до настоящего желания получить военное образование... Ум и сердце еще не получили настоящего житейского равновесия» [10]. Увлечение конным спортом повлекло два внушения Носовичу по службе, так как считалось, что в академии необходимо целиком отдаваться учебе.

Будучи по духу гвардейским кавалеристом, Носович к Генеральному штабу первоначально относился пренебрежительно, именуя генштабистов «табуретной кавалерией» [11]. Всех слушателей академии он делил на три группы – способных молодых офицеров (25–30 человек), людей средних способностей (50–60 человек) и тех, кто попал в академию по недоразумению (свыше сотни офицеров).

Завышенная самооценка и легкомыслие сыграли с Носовичем в академии злую шутку. В апреле 1903 г. по невыдержании переводного экзамена он был отчислен в свой полк, затем в том же году попытался повторно поступить, но не выдержал приемный экзамен. В воспоминаниях же Носович, стремясь представить себя лучше, чем на самом деле, написал, что в 1904 г. якобы добровольно отчислился от академии в полк в связи с началом Русско-японской войны [12]. Но послужной список офицера беспристрастно свидетельствует о неудаче в академии вне связи с войной. Более того, с началом войны Носович, как следует из послужного списка, не отправился на Дальний Восток, а выступал на скачках и участвовал в маневрах в качестве ординарца генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича (младшего) [13]. Впрочем, в мемуарах сказано, что откомандирования из гвардии на войну были с некоторых пор запрещены. Лишь в 1907 г. с третьей попытки Носович поступил в академию и окончил ее успешно в 1910 г., но по собственному желанию отчислился от Генерального штаба в строй, отдав предпочтение конному спорту и фехтованию. Очевидно, Носович так и остался в большей степени гвардейским кавалеристом, чем генштабистом. Самого себя он называл кавалеристом по призванию, а представителем интеллектуальной элиты офицерского корпуса, судя по уровню мышления, так и не стал. Самоидентификация влияла и на отношение Носовича к другим группам офицерства, в том числе в Гражданскую войну.

На разнь гвардейского и армейского

офицерства обратил внимание лидер Белого движения на Юге России генерал А. И. Деникин – сам выходец из армейской среды, косо смотревший на дворян-гвардейцев: «В стороне от общих условий офицерской жизни стояли офицеры гвардии. С давних пор существовала рознь между армейским и гвардейским офицерством, вызванная целым рядом привилегий последних по службе... Замкнутый в кастовых рамках и устаревших традициях корпус офицеров гвардии комплектовался исключительно лицами дворянского сословия. Эта замкнутость поставила войска гвардии в очень тяжелое положение во время мировой войны, которая опустошила ее ряды... Нет сомнения, что гвардейские офицеры, за редкими исключениями, были монархистами par excellence и пронесли свою идею нерушимо через все перевороты, испытания, эволюции, борьбу, падение, большевизм и добровольчество. Иногда скрытно, иногда явно. Я не желаю ни возносить, ни хулить. Они – только члены своей касты, своего класса и разделяют с ним его пороки и достоинства... Офицерство... дралось и гибло с высоким мужеством. Но, наряду с доблестью, иногда – рыцарством, – в большинстве своем, в военной и гражданской жизни оно сохраняло кастовую нетерпимость, архаическую классовую отчужденность и глубокий консерватизм – иногда с признаками государственности, чаще же с сильным уклоном в сторону реакции» [14].

Наконец, Носович имел доступ к придворным кругам. В 1903 г. по случаю юбилея полка он снялся на групповой фотографии офицеров части в ногах у императрицы [15]. В 1904 г., как уже отмечалось, он некоторое время прослужил ординарцем великого князя Николая Николаевича (младшего). Позднее Носович выиграл первый императорский приз за бой на эспадронах и получил почетную шашку из рук императора. Как гвардейский офицер он бывал на императорских приемах и даже якобы выполнял поручения самого императора Николая II. Как спортсмен в нескольких направлениях (фехтование, конный спорт, гимнастика, плавание) и выпускник академии Носович пользовался расположением императора, досконально знавшего службу своих гвардейских офицеров [16]. Все это не могло не наложить отпечаток на мировоззрение.

Носович был носителем психологии кадрового офицерства, патриотом и государствен-

ником, монархистом, националистом, аристократом, имел репутацию черносотенца. Являлся сторонником гвардейских привилегий. Он отметил, что до Русско-японской войны у офицеров не было трудностей во взаимоотношениях с представителями интеллигенции, но позднее они стали возникать. В мемуарах Носович изрядно иронизировал над теми, кого считали «передовой», то есть революционной, интеллигенцией. Однажды на обеде у кузена Носовича зашла речь об участии в освободительном движении. Носович заявил, что также участвовал в этом движении, пояснив, что это было в Варшаве и его эскадрон «этих прохвостов порядком поколотил» [17].

Характеризуя императорскую власть, Носович неоднократно употреблял такие понятия, как «порядок», «государственность». Слова «император», «царь», «государь», «державный шеф», «его величество» Носович писал или с прописной буквы, или целиком прописными буквами, чтобы особо подчеркнуть свой монархизм и преклонение перед самодержцем. Политическим идеалом Носовича была единая неделимая национальная Россия при абсолютной монархии. Много места в воспоминаниях генерала занимают рассуждения о долге перед Родиной, о величии страны, ее пользе, чести и спасении.

Носович, несомненно, являлся русским националистом и антисемитом. На страницах воспоминаний евреи регулярно именовались «жидами», «жидками» и «жидочками», большевики – «жидо-интернациональной шайкой». Л. Д. Троцкого иначе как Лейбой Бронштейном Носович почти не называл. В принципе, такие убеждения были характерны для многих представителей русской аристократии. К примеру, однополчанин Носовича Б. А. Энгельгардт побрезговал пожать руку еврейскому учителю, но затем устыдился своего поступка. При этом мать Энгельгардта продолжала считать ситуацию, когда еврей первым протягивает руку потомственному дворянину, дерзостью [18].

Носович был православным человеком, но при этом религиозный фактор, по видимому, не играл важной роли в его мировоззрении. Во всяком случае, в мемуарах почти не упоминается о боге и вере, либо же упоминания обиходные или даже иронические («Христолюбивое воинство начало грабить птичий двор» [19]).

В качестве определенной черты Носовича

можно отметить его стремление к заработку даже на военной службе. После академии за счет различных подработок, в особенности, частных уроков фехтования и плавания, а также преподавания, он зарабатывал до 500 руб. в месяц, что равнялось окладу командира полка, а затем в период тактических съемок на местности увеличил доходы до 2000 руб. в месяц [20]. Кроме того, зарабатывал Носович и на скачках. Его годовой доход достигал 10–15 000 руб., что превышало оклад начальника дивизии.

Революцию Носович ассоциировал со смутой, события Первой русской революции 1905–1907 гг. называл беспорядками и бесчинствами. Большевики же, в оценке Носовича, – это «самые... темные силы», а социалисты – «предтечи всяких разрушений» [21]. Имел Носович и личные счеты с революционерами. По собственному свидетельству, он оказал серьезное сопротивление погромной революционной толпе, пришедшей к его квартире, чтобы изъять из нее прислугу [22]. Носович бросился на толпу с плетью, имевшей свинцовое усиление и называвшейся в эскадроне «переносная конституция», а также спустил на пришедших собаку: «Не помня себя от ярости, я заревел какой-то нечленораздельный звук и одновременно со всего размаха через ее голову вытянул эту красавицу плетью. Она беззвучно опустилась на площадку. Следующие удары под аккомпанемент моего рычания сыпались один за другим. Джек не отставал от меня, и его челюсти быстро вырывали куски мяса из икр моих посетителей» [23]. Сострадания к своим оппонентам мемуарист явно не испытывал. Впрочем, девушку, которую он ударил первой, Носович позднее спрятал, по просьбе прислуги, от полиции. С удовлетворением констатируя победу, Носович отметил: «Теперь никто уже не думал об социалистическом завете, что каждый буржуй должен сам мыть свою посуду и выносить свой ночной горшок» [24]. Такое высказывание рисует Носовича сторонником наемного труда, относившимся к вышеперечисленному как к черной работе. В мемуарах имеются и другие примеры стычек с революционерами, в том числе с применением огнестрельного оружия.

Интересен анализ Носовичем причин и хода революционных событий 1917 г., а также оценка им офицерства: «Расштанное общество попало под влияние революционных идей. Были пущены в ход все испытанные

средства и главное – избивание лучших офицеров. В голову управления пробрались праздно-глупые краснобаи. Страна позабыла, что раньше революции надо было напрячь все силы, чтобы выиграть войну. Но выиграть войну значит укрепить императорскую власть. Сделать из Великой России Величайшей.

И революция направилась против тех лиц, которые были наиболее патриотичны и государственны, а, следовательно, против настоящего офицерства, против военного сословия, которое жило чистыми и высокими порывами в его творческой работе. Быть может, у некоторых эта работа была бессознательная, но у громадного большинства высоко плодотворная. Военное сословие неуклонно шло к созданию исключительно громадного национального государства. Вся армия представляла из себя своего рода высшую школу, пройдя через которую, миллионы лучших людей становились наиболее полезными, дисциплинированными и патриотическими гражданами» [25].

Из этих суждений можно сделать вывод о том, что постфактум Февральскую революцию Носович оценивал отрицательно. Отзыв Носовича о Временном правительстве вполне логичен: «Как только эти критики и поносители [старого режима] пришли к власти, так развалили великую императорскую Россию меньше, чем в восемь месяцев» [26]. Основой государственности Носович видел армию, оценивая ее в превосходных выражениях.

«Офицеры и вся армия вообще доказали [27], что они [28] на высоте и долга, и подготовки. И несмотря на некоторую чисто техническую отсталость, сравнительно с нашими врагами, армия за весь императорский период никогда не была в катастрофическом положении, и часто имела исключительно славные победы. А боевой импульс, дух и жертвенное желание победить до случившейся революции были более, чем на высоте» [29], – отмечал он. Лишь победа в войне, по оценке Носовича, позволила бы России сохранить статус великой державы. Разумеется, Носович идеализировал старую Россию, представляя идиллическую картину единения власти и народа, рвавшегося на фронт.

Ответственность за Февральскую революцию Носович возлагал на попустительство «высшего политиканствующего общества и военного командования» [30]. Носович считал,

что генералы предали императора. Он был уверен в мощи армии и способности России выиграть войну. Революционеры же, в его понимании, пытались воспользоваться достигнутым при старом режиме и приписать лавры победы себе. Кроме того, по мнению Носовича, в ослаблении России была заинтересована Великобритания [31].

Жертвами революции стали офицеры – цвет нации в понимании Носовича. Мемуарист справедливо отметил, что Февральская революция именовалась «великой бескровной» только потому, что «кровь служилого сословия, кровь офицеров, собравших воедино шестую часть суши, не считалась за таковую» [32]. Такое отношение к офицерству характерно и для мировоззрения Носовича периода Гражданской войны [33].

О своем личном опыте Носович отзывался следующим образом: «Я всю свою жизнь был около солдата в мирное время. Закончил свое служение Родине и императору в самое трудное боевое испытание, командуя полком шесть месяцев нормального царского времени и пять долгих месяцев революционного периода.

Командир полка – это последнее офицерское место, когда опытный зрелый человек непосредственно соприкасается с солдатской массой. И находится между молотом высшего командования и наковальной ответственности по всем частям и во всех отношениях за введенный ему полк» [34].

В другом месте Носович отметил: «Я один из многих десятков тысяч русских образованных людей, но вместе с тем один из немногих, которые имели возможность и энергию взяться за перо, описав два разных, но для многих из нас почти равных по числу годов периодов: царского – середины восьмидесятых годов до начала революции в 1917 году и псевдо-советского – с 1917 по конец Второй Великой войны.

Я или, вернее, мы, родились, возмужали, воспитались, не подчинились большевитской вивисекции и, не получив по случайно сложившимся обстоятельствам, большевитской пули в затылок, рассыпались по всему белу свету в погоне за куском хлеба и в тайной, но тщетной надежде вновь увидеть великую – национальную – Россию с великим русским царем» [35].

С презрением Носович отзывался о Временном правительстве и лично А. Ф. Керенском, считал это правительство карикатурой на

власть. Эсеры в понимании Носовича «были слюнтяи. И теоретики, столкнувшись с практиками, безнадежно и окончательно проиграли» [36]. Носовича возмущала антиофицерская позиция этой партии. Тем не менее, Февральскую революцию Носович принял, а власть Временного правительства признал.

В одной из частей воспоминаний Носович отметил: «Цель этих воспоминаний – одна: защитить память нашей армии, которая ни в коем случае не проиграла Первую Великую войну. Нет, образно выражаясь, сошедшее с ума Временное правительство – само разрушило армию у самых заветных врат Царьграда. Большевики довершили злое дело и совершенно уничтожили русскую национальную силу» [37].

Разумеется, Носович не принял захват власти большевиками, которых расценивал лишь как международную шайку и врагов патриотизма. О победе большевиков Носович отзывался следующим образом: «Разбойные силы интернационала смогли задушить великую православную Русь» [38]. Однако и отдавал им должное – «Они были всегда реалисты, и ими всегда будут. Они ни с кем и никогда не стеснялись, и никакими средствами не гнушались, и не будут. Гнилое общество с головами, набитыми разными теориями, разных знаменитых мыслителей – непротивления злу... Своими раздорами, отсутствием патриотизма, энергии и дальновидности, своим блестящим нейтралитетом самым мощным образом поддерживало ненавистную им власть» [39]. Неприятие Носовича вызывало подавление свободы слова. При этом генерала поражал прагматизм большевистского руководства и колоссальная гибкость в решениях безотносительно способов достижения результата. В арсенале лозунгов, позволивших привлечь на свою сторону офицерство, большевики имели и патриотическую идею. Ослабленное толстовскими идеями общество Носович считал неспособным сопротивляться такому всестороннему напору.

Украинских сепаратистов и независимую Украину Носович также оценивал скептически с позиций русского патриота. Гетмана П. П. Скоропадского Носович расценивал как русского изменника [40]. Характерна оценка Носовичем положения Киева в 1918 г.: «Всем командуют немцы, и новая, еще не организованная украинская, по-нашему просто хохлатская власть» [41]. В документах Носовича как периода Гражданской войны, так и периода эми-

грации украинцы неоднократно расцениваются как продавшиеся немцам [42]. «Немцы и самостоятельность мне претили», – отмечал Носович [43]. Не добавляла уважения к украинской власти и ее слабость при распространенности на территории Украины бандитизма.

Размышляя о состоянии общества, Носович критически оценивал разные его слои. В особенности ярко он высказывался в связи с нежеланием представителей аристократии или купечества финансировать белое подполье в Москве. Например, о купцах он прямо заметил: «Небось при царе десятками миллионов сыпали на революцию... А тогда власть не обирала... Разваливать все были охотниками» [44].

Постфактум критиковал Носович и поведение крестьянства: «Пришло к власти новое правительство... “А нам-то что... Мы самарские. До нас не дойдет... Нам бы... домой”».

Только мужички самых разных и самых отдаленных губерний жестоко ошиблись... Новое большевистское правительство дошло до всех: от петроградских, изменивших своему императору, генералов до тьмутараканских мужичков, которые вдруг решили: “Довольно, повоевали и будя... Айда, братцы-товарищи, господскую землю делить...” Землю-то поделили, но удержать не удержали. Миллионами умирали от голода. Занимались людоедством. Вымирают от голода и недоеда и сейчас... До всех самых медвежьих углов нашего обширного отечества добралась антинациональная власть. Как жестокий пресс жмет она своих случайных подданных, и будет еще безжалостно жать» [45]. Писавший это во второй половине XX в. во Франции Носович находил в таком взгляде на прошлое оправдание своей борьбе с большевиками в Гражданскую войну. В какой-то степени он был прав – советский период стал трагическим финалом истории российского крестьянства.

Однако политическая позиция Носовича небылоупречна. Судя по его эмигрантским мемуарам, он был приверженцем антантовской ориентации, но отдавал предпочтение Франции, недоброжелательно относясь к Великобритании. «Похабный» Брестский мир считал почему-то выгодным лишь последней. Был убежден, что англичане умышленно затягивали войну для ослабления России, а, рассуждая о французах, отмечал негативное влияние масонства [46]. Все это свидетельствует о приверженности Носовича конспирологическим идеям.

К Германии Носович относился враждебно и имел репутацию германофоба. Именно это побуждало его продолжать борьбу с немцами. Будучи патриотом, Носович, тем не менее, не посчитал для себя неудобным отправиться весной 1918 г. во французскую военную миссию и просить отправки во Францию для продолжения борьбы с немцами, а, когда отправка оказалась невозможной, согласился исполнять тайные задания миссии в России.

Находясь на службе в Красной армии, Носович стремился к сохранению русского военного имущества. В частности, это касалось судьбы Черноморского флота, который Носович пытался спасти от затопления летом 1918 г. [47].

Гражданскую войну Носович считал трагедией страны и очевидным злом: «Несмотря на все рассуждения о конечной высшей цели, ты сам поставлен в безысходную необходимость: – участвовать во взаимоуничтожении русских людей русскими же руками» [48]. «Горе горькое, черное несчастье России состояло в том, что, как в настоящем, так и в будущем впереди стояли сплошные лужи крови... Русской братской же крови» [49]. В кратких воспоминаниях, написанных еще в Гражданскую войну, Носович изложил свое мировоззрение Советской России: «Я увидел, что Родины не существует, что кучка нагнецов орудует всем, а десятки миллионов, нет, свыше ста миллионов баранов позволяют себя стричь» [50]. В этих словах можно усмотреть и определенное пренебрежение к основной массе населения страны.

Носович примкнул к белому подполью, но сопровождавшие его деятельность противоречия никуда не делись. Будучи сторонником Белого движения, он служил в Красной армии, пусть и как подпольщик. При этом недостатки белого лагеря, в особенности, непонимание противника и его недооценка вызывали у него острое возмущение. Генерала А. И. Деникина он прямо обвинял в поражении белых [51]. Негативно он отзывался и о действовавших против Царицына донских казаках, которые находились на республиканских и сепаратистских позициях, а также ориентировались на Германию.

Имевший возможность сравнить красный и белый лагеря, Носович раньше других понял сильные и слабые стороны противоборствующих сторон. Он обратил внимание на отсут-

ствие у белых единства, на недалекость белого командования, преследовавшего даже своих сторонников. Критиковал он и жестокость красных, но отдавал должное организации Красной армии – «у красной сволочи была система... А у противной стороны: не то гордость своей белизной, не то... да трудно перечислять то, что можно подвести под одно понятие: – полное непонимание создавшейся обстановки и природы большевиков» [52]. Однако в прогнозах последствий поражения белых Носович в какой-то степени ошибся. Он считал, что это будет стоить России ее великодержавности и океана крови. Но советский период стал апофеозом великодержавности, хотя цена достигнутого оказалась действительно чрезмерно высокой.

Материалы архива генерала Носовича в большей степени характеризуют его взгляды периода эмиграции. Тем не менее, сопоставление его свидетельств эпохи Гражданской войны с более поздними воспоминаниями свидетельствует о том, что взгляды генерала мало изменились. Следовательно, эмигрантские воспоминания также можно считать источником, отражающим позицию их автора в 1917-1922 гг.

Анализ мировоззрения генерала Носовича рисует образ характерного представителя кадрового гвардейского офицерства, которое, будучи ультраправым по взглядам, не жаловало ни красных, ни белых [53]. Если первых люди типа Носовича воспринимали в духе офицерского мировоззрения как германских шпионов и инородцев, то вторых считали избыточно демократичными, едва ли не социалистами. Кроме того, на лидеров белых возлагали ответственность за Февральскую революцию (как известно, генерал М. В. Алексеев имел непосредственное отношение к отречению императора Николая II, а генерал Л. Г. Корнилов – к аресту царской семьи), а социалистов в антибольшевистском лагере ассоциировали с обанкротившимся Временным правительством.

Характерны разрозненные упоминания присутствия таких взглядов в воспоминаниях гвардейских офицеров. «Идеалы офицеров гвардии были далеки от той ориентировки, которая клалась в основу вождями зарождающейся противобольшевистской армии», – писал конногвардеец А. П. Тучков [54]. Полковник Лейб-гвардии Финляндского полка А. Н.

фон Моллер разъяснял офицерам полка, почему для них Донская армия при атамане П. Н. Краснове предпочтительнее Добровольческой: «У генерала Краснова все было ясно, понятно и близко нам... То, что ему был дорог завет: “За веру, царя и Отечество” – наш полковой – заставляло нас идти к нему, а не к генералу Деникину, который, не будучи сам монархистом, считал непредрешенчество [55] обязательным... “Учредительное собрание” – лозунг добровольцев; “Царь нам не кумир” – слова песни корниловцев; “Берегите добытую вами свободу!” – наказ самого Корнилова нашему запасному батальону, – все это не привлекало финляндцев, и выбор их был понятен» [56]. Преображенец полковник А. А. Стахович отметил: «Недостатки, а потому и безнадежность деникинских начинаний в большинстве преобразенцев не вызывали сомнений» [57]. Гвардейский конный артиллерист С. Н. Шидловский обвинял начальника штаба Деникина – генерала И. П. Романовского – в излишнем демократизме, «а, как известно, наши демократы, по большей части, не способны к государственному строительству и управлению» [58].

Белые вожди платили гвардейцам и крайним монархистам той же монетой. В этом, возможно, заключалась одна из причин выбора Носовичем особого служебного пути в Гражданскую войну, когда генерал не стал своим ни для красных, ни для белых. Острые внутренние противоречия и отсутствие единства антибольшевистски настроенного офицерства стали одной из причин поражения Белого движения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подробнее см.: Ганин А. В. «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А.Л. Носовича из Красной армии // Клио (Санкт-Петербург). 2017. № 1 (121). С. 165–175; Он же. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...» Противостояние белых подпольщиков и И.В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа // Родина. 2017. № 7. С. 118–121; Он же. Бывший генерал А. Л. Носович и белое подполье в Красной армии в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 2 (9). С. 6–34; Он же. Арест и освобождение сотрудников штаба Северо-Кавказского военного округа в августе 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 3 (10). С. 32–51; Он же. И. В. Сталин в мемуарах белого агента в Красной армии генерала А. Л. Носовича // Политическая история

России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XV. «Гороховая, 2». СПб., 2017. С. 190–199; Он же. Воспоминания генерала А. Л. Носовича о работе белого подполья в 1918 году // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. М., 2017. С. 89–98; Он же. Воспоминания белого агента в Красной армии генерала А. Л. Носовича: характеристика и проблема верификации источника // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 67–77; Он же. Революционные события 1917 г. в освещении генерала А. Л. Носовича // Столетие Революции 1917 года в России. М., 2018. Ч. 1. С. 176–184; Он же. Новые документы о подпольной работе в Красной армии генерала А. Л. Носовича // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019. С. 415–430; Он же. «Квинтэссенция кретинизма». Антибольшевистское движение на Юге России в оценках белого агента в Красной армии генерала А. Л. Носовича // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 3 (18). С. 6–24; Он же. «Шесть месяцев среди врагов» Анатолия Носовича // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4 (19).

2. Лагодовский Б. А. Служба в Варшаве // Военная Быль (Париж). 1970. № 104. Май.

3. Чувардин Г.С. Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881–1914 г.г. Дисс... д.и.н. М., 2017.

4. Потонувший мир Б. А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887–1944). СПб., 2020.

5. Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция). Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine (BDIC). F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 2. (2) (4). Носович А. Л. Тени (Пережитое). Кн. 3. Наш полк. Гл. 3.

6. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 2. (2) (1). Носович А. Л. Тени (Пережитое). Заключение.

7. Подробнее см.: Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел, 2005.

8. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 28573. П/с 326-239. Л. 146об.

9. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 2. (2) (4). Носович А. Л. Тени (Пережитое). Кн. 3. Наш полк. Гл. 6.

10. Там же. С. 130.

11. Там же. С. 129.

12. Там же. Гл. 8. С. 143.

13. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 28573. П/с 326-239. Л. 147об., 149об.

14. Деникин А. И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Т. 1.

15. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 2. (2) (4). Носович А. Л. Тени (Пережитое). Кн. 3. Наш полк. Гл. 7.

16. Там же. Гл. 11. С. 168; Гл. 15. С. 205.

17. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Box 2. (2) (1). Носович А. Л. Тени (Пережитое). Заключение.

18. Потонувший мир Б. А. Энгельгардта.
19. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 1.
20. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 2. (2) (4). Носович А. Л. Тени (Пережитое). Кн. 3. Наш полк. Гл. 15.
21. Там же. Гл. 10. С. 158.
22. Там же. С. 159.
23. Там же.
24. Там же.
25. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 2. (2) (1). Носович А.Л. Тени (Пережитое). Заключение.
26. Там же. С. 216.
27. В документе несогласованно – доказала.
28. В документе несогласованно – она.
29. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 2. (2) (1). Носович А. Л. Тени (Пережитое). Заключение.
30. Там же.
31. Там же. С. 223.
32. Там же.
33. Ганин А. В. «Шесть месяцев среди врагов» Анатолия Носовича // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4 (19).
34. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 2. (2) (1). Носович А. Л. Тени (Пережитое). Заключение.
35. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 2. (2) (2). Носович А.Л. Тени (Пережитое). Кн. 1.
36. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7.
37. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 2. (2) (5) (1). Носович А. Л. Русский офицер и солдат. Кн. 1. Ч. 1. Гл. 1.
38. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 2. (2) (1). Носович А. Л. Тени (Пережитое). Заключение.
39. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7. С. 39.
40. Там же. Гл. 6. С. 35.
41. Там же. Гл. 2. С. 11.
42. См., напр.: «Вредить большевизму всеми возможными способами». Белый агент в Красной армии // Источник. 1999. № 5.
43. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7.
44. Там же. С. 41.
45. Там же. Гл. 1.
46. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (2). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 2. Гл. 1.
47. Подробнее см.: Ганин А. В. «Шесть месяцев среди врагов» Анатолия Носовича.
48. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 1.
49. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (4). Носович А. Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 4. Гл. 1.
50. Ганин А. В. «Шесть месяцев среди врагов» Анатолия Носовича.
51. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 2. (2) (5) (1). Носович А.Л. Русский офицер и солдат. Кн. 1. Ч. 1. Гл. 1.
52. BDIC. F. Nossovitch. F Δ rés 843. Vox 1. (1) (7) (1). Носович А.Л. Шесть месяцев среди врагов России. Кн. 3. Ч. 1. Гл. 7. С. 51.
53. Подробнее см.: Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. С. 159–177; Андоленко С. П. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 годы. СПб., 2010. С. 326; Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров 1917–1922 гг. М., 2019. С. 135.
54. Тучков А. 40 лет тому назад // Офицеры российской гвардии в Белой борьбе. М., 2002. С. 577.
55. Идеология Добровольческой армии и Белого движения в целом, согласно которой вопрос о форме государственного устройства в России не предreshался до созыва Учредительного собрания. Такой лозунг позволял объединить республиканцев и монархистов для борьбы с красными.
56. Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (BAR). Finlandskii polk collection. Vox 12. Ходнев Д. Лейб-гвардии Финляндский полк в период Гражданской войны 1918–1920 гг. на Юге России.
57. Цит. по: Андоленко С. П. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 годы. СПб., 2010. С. 341.
58. Шидловский С. Н. Записки белого офицера. СПб., 2007.